[41] То есть людей, не в первый раз добившихся высших государственных должностей: преторы и консулы носили тогу-претексту, белую с пурпурной каймой.

[42] В римских летописях годы назывались не цифрами, как у нас, а именами консулов, которые избирались на год.

[43] Гай Туранний – префект анноны с 14 по 48 г. н.э., предшественник Паулина на этом посту.

[44] В Риме не полагалось оплакивать умерших детей – они еще не приносили пользы государству, еще не были полноценными гражданами и, следовательно, людьми в полном смысле слова. Хоронить их разрешалось только ночью, при свете факелов и свечей. Сенека возвращается к началу трактата: девяностолетние старики умирают годовалыми младенцами, ибо подлинно прожитое время – только то, что было отдано философии и самосовершенствованию.

Луций Анней Сенека

О БЛАЖЕННОЙ ЖИЗНИ

К брату Галлиону

I. 1. Все, брат Галлион[1], желают жить счастливо, но никто не знает верного способа сделать жизнь счастливой. Достичь счастливой жизни трудно, ибо чем быстрее старается человек до нее добраться, тем дальше от нее оказывается, если сбился с пути; ведь чем скорее бежишь в противоположную сторону, тем дальше будешь от цели. Итак, прежде всего следует выяснить, что представляет собой предмет наших стремлений; затем поискать кратчайший путь к нему, и уже по дороге, если она окажется верной и прямой, прикинуть, сколько нам нужно проходить в день и какое примерно расстояние отделяет нас от цели, которую сама природа сделала для нас столь желанной.

2. До тех пор, пока мы бродим там и сям, пока не проводник, а разноголосый шум кидающихся во все стороны толп указывает нам направление, наша короткая жизнь будет уходить на заблуждения, даже если мы день и ночь станем усердно трудиться во имя благой цели. Вот почему необходимо точно определить, куда нам нужно и каким путем туда можно попасть; нам не обойтись без опытного проводника, знакомого со всеми трудностями предстоящей дороги; ибо это путешествие не чета прочим: там, чтобы не сбиться с пути, достаточно выйти на наезженную колею или расспросить местных жителей; а здесь, чем дорога накатанней и многолюдней, тем вернее она заведет не туда.

3. Значит, главное для нас – не уподобляться овцам, которые всегда бегут вслед за стадом, направляясь не туда, куда нужно, а туда, куда все идут. Нет на свете вещи, навлекающей на нас больше зол и бед, чем привычка сообразовываться с общественным мнением, почитая за лучшее то, что принимается большинством и чему мы больше видим примеров; мы живем не разумением, а подражанием. Отсюда эта вечная давка, где все друг друга толкают, стараясь оттеснить. 4. И как при большом скоплении народа случается иногда, что люди гибнут в давке

(в толпе ведь не упадешь, не увлекая за собой другого, и передние, спотыкаясь, губят идущих сзади), так и в жизни, если приглядеться: всякий человек, ошибившись, прямо или косвенно вводит в заблуждение других; поистине вредно тянуться за идущими впереди, но ведь всякий предпочитает принимать на веру, а не рассуждать; и насчет собственной жизни у нас никогда не бывает своих суждений, только вера; и вот передаются из рук в руки одни и те же ошибки, а нас все швыряет и вертит из стороны в сторону. Нас губит чужой пример; если удается хоть на время выбраться из людского скопища, нам становится гораздо лучше.

5. Вопреки здравому смыслу, народ всегда встает на защиту того, что несет ему беды. Так случается на выборах в народном собрании: стоит переменчивой волне популярности откатиться, и мы начинаем удивляться, каким образом проскочили в преторы[2] те люди, за которых мы сами только что проголосовали. Одни и те же вещи мы то одобряем, то порицаем; в этом неизбежный недостаток всякого решения, принимаемого большинством.

II. 1. Раз уж мы повели разговор о блаженной жизни, я прошу тебя, не отвечай мне, как в сенате, когда отменяют обсуждение и устраивают голосование: "На этой стороне явное большинство". – Значит, именно эта сторона хуже. Не настолько хорошо обстоят дела с человечеством, чтобы большинство голосовало за лучшее: большая толпа приверженцев всегда верный признак худшего.

2. Итак, попробуем выяснить, как поступать наилучшим образом, а не самым общепринятым; будем искать то, что наградит нас вечным счастьем, а не что одобрено чернью – худшим толкователем истины. Я зову чернью и носящих хламиду[3], и венценосцев; я не гляжу на цвет одежды, покрывающей тела, и не верю глазам своим, когда речь идет о человеке. Есть свет, при котором я точнее и лучше смогу отличить подлинное от ложного: только дух может открыть, что есть доброго в другом духе.

Если бы у нашего духа нашлось время передохнуть и прийти в себя, о как возопил бы он, до того сам себя замучивший, что решился бы наконец сказать себе чистую правду: 3. Как бы я хотел, чтобы все, что я сделал, осталось несодеянным! Как я завидую немым, когда вспоминаю все, что когда-либо произнес! Все, чего я желал, я пожелал бы теперь своему злейшему врагу. Все, чего я боялся – благие боги! – насколько легче было бы вынести это, чем то, чего я жаждал! Я враждовал со многими и снова мирился (если можно говорить о мире между злодеями); но никогда я не был другом самому себе. Всю жизнь я изо всех сил старался выделиться из толпы, стать заметным благодаря какому-нибудь дарованию, и что же вышло из того? – я только выставил себя мишенью для вражеских стрел и предоставил кусать себя чужой злобе. 4. Посмотри, сколько их, восхваляющих твое красноречие, толпящихся у дверей твоего богатства, старающихся подольститься к твоей милости и до неба превознести твое могущество. И что же? – все это либо действительные, либо возможные враги: сколько

вокруг тебя восторженных почитателей, ровно столько же, считай, и завистников. Лучше бы я искал что-нибудь полезное и хорошее для себя, для собственного ощущения, а не для показа. Вся эта мишура, которая смотрится, на которую оборачиваются на улице, которой можно хвастать друг перед другом, блестит лишь снаружи, а внутри жалка.

III. 1. Итак, будем искать что-нибудь такое, что было бы благом не по внешности, прочное, неизменное и более прекрасное изнутри, нежели снаружи; попробуем найти это сокровище и откопать. Оно лежит на поверхности, всякий может отыскать его; нужно только знать, куда протянуть руку. Мы же, словно в кромешной тьме, проходим рядом с ним, не замечая, и часто набиваем себе шишки, натыкаясь на то, что мечтаем найти.

2. Я не хочу вести тебя длинным кружным путем и не стану излагать чужих мнений на этот счет: их долго перечислять и еще дольше разбирать. Выслушай наше мнение. Только не подумай, что "наше" – это мнение кого-то из маститых стоиков, к которому я присоединяюсь: дозволено и мне иметь свое суждение. Кого-то я, наверное, повторю, с кем-то соглашусь отчасти; а может быть я, как последний из вызываемых на разбирательство судей, скажу, что мне нечего возразить против решений, вынесенных моими предшественниками, но я имею кое-что добавить от себя.

3. Итак, прежде всего я, как это принято у всех стоиков, за согласие с природой: мудрость состоит в том, чтобы не уклоняться от нее и формировать себя по ее закону и по ее примеру. Следовательно, блаженная жизнь – это жизнь, сообразная своей природе. А как достичь такой жизни? – Первейшее условие – это полное душевное здоровье, как ныне так и впредь; кроме того, душа должна быть мужественной и решительной; в-третьих, ей надобно отменное терпение, готовность к любым переменам; ей следует заботиться о своем теле и обо всем, что его касается, не принимая этого слишком близко к сердцу; со вниманием относиться и ко всем прочим вещам, делающим жизнь красивее и удобнее, но не преклоняться перед ними; словом нужна душа, которая будет пользоваться дарами фортуны, а не рабски служить им. 4. Я могу не прибавлять – ты и сам догадаешься – что это дает нерушимый покой и свободу, изгоняя все, что страшило нас или раздражало; на место жалких соблазнов и мимолетных наслаждений, которые не то что вкушать, а и понюхать вредно, приходит огромная радость, ровная и безмятежная, приходит мир, душевный лад и величие, соединенное с кротостью; ибо всякая дикость и грубость происходят от душевной слабости.

IV. 1. Наше благо можно определить и иначе, выразив ту же мысль другими словами. Подобно тому как войско может сомкнуть ряды или развернуться, построиться полукругом, выставив вперед рога, или вытянуться в прямую линию, но численность его, боевой дух и готовность защищать свое дело останутся неизменными, как бы его ни выстроили; точно так же и высшее благо можно определить и про-

странно и в немногих словах. 2. Так что все дальнейшие определения обозначают одно и то же. "Высшее благо есть дух, презирающий дары случая и радующийся добродетели", – или: "Высшее благо есть непобедимая сила духа, многоопытная, действующая спокойно и мирно, с большой человечностью и заботой о ближних" Можно и так определить: блажен человек, для которого нет иного добра и зла, кроме доброго и злого духа, кто бережет честь и довольствуется добродетелью, кого не заставит ликовать удача и не сломит несчастье, кто не знает большего блага, чем то, которое он может даровать себе сам; для кого истинное наслаждение – это презрение к наслаждениям. 3. Если хочешь еще подробнее, можно, не искажая смысла, выразить то же самое иначе. Что помешает нам сказать, например, что блаженная жизнь – это свободный, устремленный ввысь, бесстрашный и устойчивый дух, недосягаемый для боязни и вожделения, для которого единственное благо – честь, единственное зло – позор, а все прочее – куча дешевого барахла, ничего к блаженной жизни не прибавляющая и ничего от нее не отнимающая; высшее благо не станет лучше, если случай добавит к нему еще и эти вещи, и не станет хуже без них.

4. Это благо по сути своей таково, что вслед за ним по необходимости – хочешь, не хочешь – приходит постоянное веселье и глубокая, из самой глубины бьющая радость, наслаждающаяся тем, что имеет, и ни от кого из ближних своих и домашних не желающая большего, чем они дают. Разве это не стоит больше, чем ничтожные, нелепые и длящиеся всего какой-то миг движения нашего жалкого тела? Ведь в тот самый день, когда тело уступит наслаждению, оно окажется во власти боли; ты видишь, сколь тягостное и злое рабство ожидает того, над кем по очереди станут властвовать наслаждение и боль – самые капризные и своевольные господа? Во что бы то ни стало нужно найти свободу. 5. Единственное что для этого требуется, – пренебречь фортуной; тогда душа, освободившись от тревог, успокоится, мысли устремятся ввысь, познание истины прогонит все страхи и на их место придет большая и неизменная радость, дружелюбие и душевная теплота; все это будет весьма приятно, хоть это и не само по себе благо, а то, что ему сопутствует.

V. 1. И раз уж я решил не скупиться на слова, то могу еще назвать блаженным того, кто благодаря разуму, ничего не желает и ничего не боится. Правда, камни тоже не ведают ни страха, ни печали, равно как и скоты; однако их нельзя назвать счастливыми, ибо у них нет понятия о счастье. 2. Сюда же можно причислить и тех людей, чья природная тупость и незнание самих себя низвели их до уровня скотов и неодушевленных предметов. Между теми и другими нет разницы, ибо последние вовсе лишены разума, а у первых, он направлен не в ту сторону и проявляет сообразительность лишь себе же во вред и там, где не надо бы. Никто, находящийся за пределами истины, не может быть назван блаженным. 3. Итак, блаженна жизнь, утвержденная раз навсегда на верном и точном суждении и потому неподвластная переменам. Лишь в этом случае душа чиста и свободна от зол, а только

такая душа избежит не только ран, но даже царапин; устоит там, где встала однажды, и защитит свой дом, когда на него обрушатся удары разгневанной судьбы. 4. Что же касается до наслаждения, то пусть оно затопит нас с головы до ног, пусть льется на нас отовсюду, расслабляя душу негой и ежечасно представляя новые соблазны, возбуждающие нас целиком и каждую часть тела в отдельности, – но кто же из смертных, сохранивших хоть след человеческого облика, захочет, чтобы его день и ночь напролет щекотали и возбуждали? Кто захочет совсем отказаться от духа, отдавшись телу?

VI. 1. Мне возразят, что дух, мол, тоже может получать свои наслаждения. Конечно, может; он может сделаться судьею в наслаждениях роскоши и сладострастия, он может сделать своим содержанием то, что обычно составляет предмет чувственного удовольствия; он может задним числом смаковать прошедшие наслаждения, возбуждаясь памятью уже угасших вожделений, и предвкушать будущие, рисуя подробные картины, так что пока пресыщенное тело неподвижно лежит в настоящем, дух мысленно уже спешит к будущему пресыщению. Все это, однако, представляется мне большим несчастьем, ибо выбрать зло вместо добра – безумие. Блаженным можно быть лишь в здравом рассудке, но явно не здоров стремящийся к тому, что его губит. 2. Итак, блажен тот, чьи суждения верны; блажен, кто доволен тем, что есть, и в ладу со своей судьбой; блажен тот, кому разум диктует, как себя вести.

VII. 1. Те, кто утверждает, будто высшее благо именно в наслаждениях, не могут не видеть, что оно у них оказывается не слишком возвышенным. Вот почему они настаивают, что наслаждение неотъемлемо от добродетели, и что честная жизнь не может не быть приятной, а приятная – также и честной. Я, признаться, не вижу, каким образом можно объединить вещи столь различные. Умоляю, объясните, почему нельзя отделить наслаждение от добродетели? Видимо, раз добродетель есть источник всех благ, из того же корня берет начало и все то, что вы любите и чего добиваетесь? Однако, если бы они и в самом деле были нераздельны, нам не приходилось бы встречать вещей приятных, но позорных, и, наоборот, вещей достойнейших, но трудных и достижимых лишь путем скорбей.

2. Добавь к этому, что жажда наслаждений доводит до позорнейшей жизни; добродетель же, напротив, дурной жизни не допускает; что есть люди несчастные не из-за отсутствия наслаждений, а из-за их обилия, чего не могло бы случиться, если бы добродетель была непременной частью наслаждения: ибо добродетель часто обходится без удовольствия, но никогда не бывает лишена его совершенно.

3. С какой стати вы связываете вещи столь несхожие и даже более того: противоположные? Добродетель есть нечто высокое, величественное и царственное; непобедимое, неутомимое; наслаждение же – нечто низменное, рабское, слабое и скоропреходящее, чей дом в притоне разврата и любимое место в кабаке. Добродетель ты встретишь в храме, на форуме, в курии, на защите городских укреплений;

пропыленную, раскрасневшуюся, с руками в мозолях. Наслаждение чаще всего шатается где-нибудь возле бань и парилен, ища укромных мест, где потемнее, куда не заглядывает городская стража; изнеженное, расслабленное, насквозь пропитанное неразбавленным вином и духами, зеленовато-бледное либо накрашенное и нарумяненное, как приготовленный к погребению труп.

4. Высшее благо бессмертно, оно не бежит от нас и не несет с собой ни пресыщения, ни раскаяния: ибо верно направленная душа не кидается из стороны в сторону, не отступает от правил наилучшей жизни и потому не становится сама себе ненавистна. Наслаждение же улетучивается в тот самый миг, как достигает высшей точки; оно невместительно и потому быстро наполняется, сменяясь тоскливым отвращением; после первого взрыва страсти оно умирает, вялое и расслабленное. Да и как может быть надежным то, чья природа – движение? Откуда возьмется устойчивость (substantia) в том, что мгновенно приходит и уходит, обреченное погибнуть, как только его схватят, ибо увеличиваясь, оно иссякает, и с самого своего начала устремляется к концу?

VIII. 1. Я бы сказал, что наслаждение не чуждо ни добрым, ни злым, и что подлецы получают не меньшее удовольствие от своих подлостей, чем честные люди от выдающихся подвигов. Вот почему древние учили стремиться к жизни лучшей, а не приятнейшей. Наслаждение должно быть не руководителем доброй воли, указывающим ей верное направление, а ее спутником. В руководители же нужно брать природу: ей подражает разум, с ней советуется.

2. Итак, блаженная жизнь есть то же самое, что жизнь согласно природе. Что это такое, я сейчас объясню: если все наши природные способности и телесные дарования мы станем бережно сохранять, но в то же время не слишком трястись над ними, зная, что они даны нам на один день и их все равно не удержишь навсегда; если мы не станем порабски служить им, отдавая себя в чужую власть; если все удачи и удовольствия, выпадающие на долю нашего тела, займут у нас подобающее место, какое в военном лагере занимают легковооруженные и вспомогательные войска, то есть будут подчиняться, а не командовать, – тогда все эти блага пойдут на пользу душе.

3. Блажен муж, неподвластный растлению извне, восхищающийся лишь собою, полагающийся лишь на собственный дух и готовый ко всему; его уверенность опирается на знание, а его знание – на постоянство; суждения его неизменны и решения его не знают исправлений. Без слов понятно, что подобный муж будет собранным и упорядоченным, и во всех делах своих будет велик, но не без ласковости.

4. Разум побуждается к исследованию раздражающими его чувствами. Пусть так: у него ведь нет другого двигателя, и только чувства дают ему толчок, заставляя двинуться к истине. Но беря свое начало в чувственности, он должен в конце вернуться к самому себе. Точно так же устроен и мир: этот всеобъемлющий бог и правитель вселенной устремлен вроде бы наружу, однако отовсюду вновь возвращается в

самого себя. Так должна поступать и наша душа: следуя своим чувствам, она достигнет с их помощью внешнего мира, но при этом должна остаться госпожой и над собой, и над ними.

5. Именно таким образом может быть достигнуто в человеке согласное единство сил и способностей, и тогда родится тот разум, который не будет знать внутренних разногласий и колебаний во мнениях, восприятиях и убеждениях; которому достаточно будет раз навсегда себя упорядочить, чтобы его части согласовались друг с другом и, если можно так выразиться, спелись, и он достигнет высшего блага. Ибо в нем не останется неправды и соблазна, он не будет наталкиваться на препятствия и оскальзываться на сомнениях. 6. Все его дела будут диктоваться лишь его собственной властью, и непредвиденных случайностей для него не будет; все его предприятия легко и непринужденно будут обращаться к благу, а сам предприниматель никогда не покажет спины, изменяя благим решениям, ибо колебания и лень – это проявления непостоянства и внутренней борьбы. А посему смело можешь заявлять, что высшее благо есть душевное согласие, ибо добродетели должны быть там, где лад и единство, а где разлад – там пороки.

IX. 1. "Но ты сам, наверное, чтишь добродетель только потому, что надеешься извлечь из нее какое-то наслаждение", – могут мне возразить. – Прежде всего я отвечу вот что: если добродетель и приносит наслаждение, достичь ее стремятся не ради этого. Неверно было бы сказать, что она приносит наслаждение; вернее – приносит в том числе и его; не ради него она обрекает себя на труды и страдания, но в результате ее трудов, хотя и преследующих иную цель, получается между прочим и оно. 2. Подобно тому как на засеянной хлебом пашне меж колосьев всходят цветы, но не ради них предприняли свой труд пахарь и сеятель, хоть они и радуют глаз; цель их была – хлеб, а цветы – случайное добавление. Точно так же и наслаждение – не причина и не награда добродетели, а нечто ей сопутствующее; оно не признается чем-то хорошим только оттого, что доставляет удовольствие; напротив, добродетельному человеку оно доставляет удовольствие, только если будет признано хорошим. 3. Высшее благо заключено в самом суждении и поведении совершенно доброй души: после того, как она завершила свой путь и замкнулась в собственных границах, достигнув высшего блага, она уже не желает ничего более, ибо вне целого нет ничего, так же как нет ничего дальше конца. 4. Так что ты напрасно доискиваешься, ради чего я стремлюсь к добродетели: это все равно, что спрашивать, что находится выше самого верха. Тебя интересует, что я хочу извлечь из добродетели? Ее саму. Да у нее и нет ничего лучшего, она сама себе награда. Разве этого мало? Вот я говорю тебе: "Высшее благо есть несокрушимая твердость духа, способность предвидения, возвышенность, здравый смысл, свобода, согласие, достоинство и красота", – а ты требуешь чего-то большего, к чему все это служило бы лишь приложением. Что ты все твердишь мне о наслаждении? Я ищу то, что составляет благо человека, а не брюха, которое у скотов и хищников гораздо вместительнее.

X. 1. "Ты извращаешь мои слова, – заявит мой собеседник. – Я утверждаю, что никто не может сделать свою жизнь по-настоящему приятной, если не будет жить честно, а это уже не может быть отнесено к бессловесным животным, для которого благо измеряется количеством пищи. Я недвусмысленно и во всеуслышание объявляю, что та жизнь, которую я зову приятной, не может быть достигнута без добродетели".

2. – Помилуй, да ведь все знают, что полнее всего упиваются вашими так называемыми наслаждениями самые непроходимые дураки; что подлость купается в удовольствиях; что дух, поспешая за телом, придумывает для себя множество новых извращенных наслаждений. Вот лишь некоторые из них: чванство и преувеличенная самооценка, напыщенность, возносящая себя над окружающими, слепая любовь ко всему, что имеет отношение ко мне лично; погоня за радостями и разболтанность; ни с чем несоразмерный ребячливый восторг по поводу пустяков и мелочей; болтливость и высокомерие; удовольствие оскорблять других; праздная распущенность оленившегося духа, который свернулся клубочком и сам в себе заснул. 3. Всю эту дремоту добродетель с него стряхивает, больно дергая его за ухо и напоминая, что наслаждение следует сперва оценить и лишь потом допускать к себе; наслаждения, которые нельзя одобрить, не имеют в ее глазах цены; но и все прочие она допускает с большой осторожностью, получая радость не от самого наслаждения, а от своей в нем умеренности. – "Но ведь умеренность, уменьшая наслаждения, тем самым наносит ущерб и высшему благу!" – Ну что же: ты стремишься поймать наслаждение, а я – укротить его и обуздать; ты упиваешься удовольствием, я его использую; ты считаешь его высшим благом, для меня оно вовсе не благо; ты делаешь ради удовольствия все, я – ничего.

XI. 1. Когда я говорю, что я ничего не делаю ради удовольствия, то имею ввиду не себя лично, а мудреца, того самого, кто, по-твоему, единственный может испытывать настоящее наслаждение. Я же называю мудрецом того, над кем нет господина, и в первую очередь как раз того, кем не командует наслаждение: ибо как может занятый им человек выстоять среди трудов и нужды, среди опасностей и угроз, со всех сторон с грохотом надвигающихся на человеческую жизнь? Как может он глядеть в лицо смерти, как перенесет боль и скорби? Как встретит мировые потрясения и полчища ожесточенных неприятелей тот, над кем одержал победу столь изнеженный противник? – "Но он свершит все, что повелит ему наслаждение". – Будто ты сам не знаешь, что может повелеть наслаждение. – 2. "Оно не может повелеть ничего недостойного, ибо неотделимо от добродетели". – Всмотрись еще раз внимательно: разве ты не видишь, что высшее благо нуждается в страже, чтобы оставаться благом вообще? А как добродетель будет управлять наслаждением, если будет ему следовать? Ведь следовать – дело подчиненного, а управлять – дело властителя. То, что должно властвовать, ты помещаешь сзади. Хорошенькую же роль играет у вас добродетель, обязанная, как рабыня, опробовать наслаждения перед подачей на стол!

3. Мы еще увидим впоследствии, сохраняется ли вообще добродетель у тех, кто так ее унижает, ибо, сдавая позиции, она теряет право называться своим именем; покамест же я, в ответ на твое возражение, приведу тебе множество примеров людей, помешанных на наслаждениях, осыпанных всевозможными дарами фортуны, но кого даже ты принужден будешь признать людьми далекими от добродетели. 4. Взгляни хотя бы на Номентана и Апиция[4], переваривающих все, как они выражаются, дары земли и моря; взгляни, как они высоко возлежат на розовых лепестках, обозревая свою кухню, и у себя на столе изучают животных всех стран. Уши их при этом услаждаются музыкой, глаза зрелищами, нёбо – всевозможными вкусами. Кожу щекочут мягкие, нежно согревающие ткани, а дабы ноздри не оставались тем временем не у дел, разнообразные ароматы пропитывают помещение, где дается пир в честь роскоши, словно в честь усопшего родителя. Скажи, разве не купаются эти люди в наслаждениях? – а в то же время добра им это не принесет, ибо не добру они радуются.

XII. 1. Ты скажешь: "Да, им будет плохо, ибо в их жизнь постоянно будут вторгаться обстоятельства, смущающие их дух, а противоречивые мнения будут вселять в душу тревогу". – Все это верно, я согласен, и тем не менее эти взбалмошные глупцы, ничем не защищенные от уколов раскания, вкушают великие наслаждения, и приходится признать, что с тяжестью страданий они познакомятся не раньше, чем со здравомыслием, что они безумны веселым безумием, как, впрочем, и большинство людей, и бред их выражается в хохоте. 2. У мудрецов же, напротив, наслаждения тихи, умеренны, сдержанны, почти что вялы, едва заметны; они, как незваные гости, принимаются хозяевами без почестей и без особых изъявлений радости; их кое-где подмешивают в жизнь в небольших количествах, как чередуют изредка серьезные дела с играми и шутками.

XIII. 1. Пора перестать совмещать несовместимое, объединяя добродетель с наслаждением: дело это скверное, и ничего, кроме лести последним негодяям, из него не получится. Человек, потонувший в наслаждениях, вечно икающий, рыгающий и пьяный, знает, что не может жить без удовольствий, а потому верит, что живет добродетельно, ибо он слыхал, что наслаждение и добродетель неотделимы друг от друга; и вот он выставляет напоказ свои пороки, которые следовало бы спрятать от глаз подальше, под вывеской "Мудрость".

2. Собственно, не Эпикур побуждает их предаваться излишествам роскоши: преданные лишь собственным порокам, они спешат прикрыть их плащом философии и со всех сторон сбегаются туда, где слышат похвалу наслаждению. Они не в состоянии оценить, насколько трезво и сухо то, что зовет наслаждением Эпикур (по крайней мере я, клянусь Геркулесом, именно так его понимаю); они слетаются на звук самого имени, ища надежного покровительства и прикрытия своим вожделениям. 3. Таким образом они теряют единственное благо, которое было у них среди многих зол: способность стыдиться своих грехов. Теперь они превозносят то, за что вчера краснели, и громко

хвастаются пороками. А из-за этого и подрастающее поколение сбивается с пути, ибо позорная праздность получила отныне почетное звание. Вот отчего ваше восхваление наслаждения столь губительно; достойные наставления преподаются у вас шепотом в стенах школы, а разлагающие изречения красуются на виду.

4. Сам-то я считаю – и в этом расхожусь со своими коллегами – что учение Эпикура свято и правильно, а если подойти к нему поближе, то и весьма печально; его наслаждение мало, сухо и подчинено тому закону, какой мы предписываем добродетели: оно должно повиноваться природе; а того, чем довольствуется природа, никогда не хватит для роскоши.

5. Что же получается? Всякий, кто зовет счастьем праздное безделье с поочередным удовлетворением вожделений похоти и чрева, ищет добрый авторитет для прикрытия дурных дел, находит его, привлеченный соблазнительным названием, и отныне считает свои пороки исполнением философских правил, хотя наслаждения его не те, о каких он здесь услыхал, а те, какие он принес сюда с собой; зато теперь он предается им без опаски и не таясь. Большинство наших называют секту Эпикура наставницей в гнусностях; я же скажу так: у нее незаслуженно дурная репутация. 6. Кто кроме посвященных может знать наверняка? Она сама так убрала свой фасад, чтобы дать повод к сплетням и возбуждать опасения. Она подобна доблестному мужу, одетому в женскую столу: стыдливость не нарушена, мужественность не оскорблена, тело не открыто для взоров нечистой страсти, но в руке тимпан. Следовало бы выбрать более пристойную вывеску, чтобы она сама возбуждала дух к добродетели; та, что висит сейчас, зазывает пороки.

7. Всякий, устремившийся к добродетели, являет собой пример благородной натуры; приверженец наслаждения предстает безвольным, сломленным, лишенным мужественности вырожденцем, которому суждено скатиться на самое позорное дно, если кто-нибудь не научит его различать наслаждения и он не узнает, какие из них не выходят за рамки естественных желаний, а какие – беспредельны и увлекают в пропасть, ибо, чем больше их насыщают, тем ненасытнее они становятся.

XIV. 1. Ну, ничего, лишь бы впереди у нас шла добродетель, тогда любая дорожка будет безопасна! Чрезмерное наслаждение вредно, а чрезмерной добродетельности опасаться не приходится, ибо она сама есть мера; не может быть благом то, что проигрывает от большого размера. Кроме того: вам в удел досталась разумная природа; что же может быть для вас лучше разума? Но если вам так уж мило это соединение, если вы не согласны идти к блаженной жизни без обоих сразу, то пусть добродетель идет впереди, а наслаждение – следом, увиваясь, словно тень, вокруг нашего тела; но отдавать добродетель, высочайшую вещь на свете, в служанки наслаждению немыслимо для того, чей дух в состоянии постигать не только ничтожные предметы.

2. Пусть добродетель шагает впереди со знаменами; наслаждение

никуда от нас не денется, зато мы окажемся его командирами и укротителями; оно всегда сможет выпросить у нас уступку – но не сможет вынудить. Те же, кто передаст бразды правления наслаждению, лишатся обоих: они упустят добродетель и не смогут удержать наслаждения, ибо отныне оно само будет держать их; они будут то терзаться его недостатком, то задыхаться от его обилия, несчастные, если оно их покинет, еще несчастнее – если обрушится на них; подобно морякам, сбившимся с пути в Сиртском море[5], они будут оказываться то на мели, то в потоке бушующих волн.

3. А происходит все это от невоздержности и слепой любви к удовольствию; кто принимает дурное за хорошее, тому опаснее всего успех в достижении желанного. Подобно тому, как мы с великими трудами и опасностью для жизни охотимся на диких зверей, но последующее обладание ими приносит не меньше хлопот, и плененному зверю нередко случается растерзать своего хозяина, – точно так же и обладатели наслаждений попадают в великую беду, делаясь собственностью того, чем, казалось, обладали. И чем больше, чем сильнее наслаждения, тем ничтожнее и мельче их бывший хозяин, а ныне раб многих господ, тот самый, кого чернь величает счастливцем. 4. Продолжу сравнение: охотник, для которого нет ничего дороже, чем выслеживать звериные логовища и "арканить хищников петлей", "сворой собак окружая обширные дебри"[6], чтобы не сбиться со следа, бросает ради этого более важные дела и пренебрегает своими обязанностями; точно так же охотник за наслаждениями откладывает все остальное и в первую очередь пренебрегает свободой: ею он платит за удовольствия живота, но в результате не он покупает себе наслаждения, а они покупают себе его.

XV. 1. "Однако, что же все-таки мешает объединить добродетель и наслаждение и устроить высшее благо таким образом, чтобы честное и приятное было одно и то же?" – Ни одна составная часть чести не может быть бесчестной, и высшее благо утратит свою подлинность, если в нем окажется хоть что-то не вполне наилучшее. 2. Даже радость, порождаемая добродетелью, как она ни хороша, не может быть частью высшего блага, так же как покой и веселье, от каких бы прекрасных причин они ни возникали; все это, конечно, блага, но не из тех, что составляют высшее благо, а из тех, что ему сопутствуют. 3. Тот, кто попытается объединить добродетель и наслаждение, пусть даже и не на равных правах, привяжет к более прочному благу более хрупкое, надеясь его упрочить, после чего оба станут шаткими; а на свободу свою, непобедимую до тех пор, пока для нас нет ничего дороже ее, он наденет ярмо рабства. Ибо ему сразу понадобится фортуна; но нет рабства горшего! Жизнь его отныне наполнится тревогой, подозрениями, страхом; он будет трепетать от любого случая, и каждое из сменяющих друг друга мгновений будет таить в себе угрозу.

4. Ты не хочешь водрузить добродетель на твердое, неподвижное основание; ты оставляешь ей лишь шаткую почву под ногами, ибо нет ничего более шаткого и ненадежного, чем надежда на случай, чем

изменчивое тело со всеми его способностями и потребностями. Как может человек повиноваться богу, как может благодушно принимать все, что бы с ним ни случилось, не жаловаться на судьбу и толковать все свои несчастья в лучшую сторону, если самые ничтожные уколы наслаждения или боли заставляют его содрогаться? Из него не выйдет ни добрый защитник родины, ни борец за своих друзей, если он покорился наслаждению.

5. Итак, высшее благо нужно поместить настолько высоко, чтобы никакая сила не могла его принизить, чтобы оно оказалось недосягаемо для скорби, надежды и страха. На такую высоту способна подняться одна лишь добродетель. Лишь ее твердой поступи дано покорить эту вершину. Она выстоит, что бы ни случилось, перенося несчастья не просто терпеливо, но даже охотно, ибо она знает, что все трудности нашего временного существования – закон природы. Она, как добрый воин, будет спокойно принимать раны, считать шрамы и, если надо, умрет, пронзенная вражескими копьями, но полная любви к полководцу, ради которого пала; и всегда будет хранить в душе древнее наставление: "Следуй богу" 6. А кто жалуется, плачет и стонет, не желая выполнять приказаний, того заставляют силой и против воли волокут туда, куда нужно. Какое, однако, безумие не идти самому, а заставлять тащить себя волоком! Клянусь Геркулесом, какая глупость, какое непонимание своего положения – скорбеть оттого, что чего-то тебе не хватает или что выпала тебе жестокая доля; это, право же, не умнее, чем удивляться и возмущаться тем, что равно не минует плохих и хороших: болезнями, смертью, старческой слабостью и прочими превратностями человеческой жизни. 7. Есть вещи, которые нам положено терпеть, ибо таков порядок, установленный во вселенной; их нужно принимать, не теряя присутствия духа: ведь мы принесли присягу – нести свою смертную участь и не расстраивать наших рядов из-за того, чего избежать не в нашей власти. Мы рождены под царской властью: повиноваться богу – наша свобода.

XVI. 1. Итак, истинное счастье – в добродетели. Какие советы даст тебе добродетель? Не считай ни дурным, ни хорошим того, что не имеет отношения к добродетели или пороку. Кроме того, будь непоколебим перед лицом зла и добра, дабы уподобиться богу, насколько это позволительно. 2. Какую награду она сулит тебе за это? – Поистине огромную и божественную: ты не будешь знать ни принуждения, ни нужды; получишь свободу, безопасность, неприкосновенность; никаких тщетных попыток, никаких неудач: все, что ты задумал, будет получаться, исчезнут досадные случайности, препятствующие исполнению твоей воли и твоих планов.

3. Ну как? Достаточно добродетели для блаженной жизни? Ее одной – совершенной и божественной – может ли не хватить тебе, и даже с избытком? Да и чего может не хватать тому, кто стоит по ту сторону всех желаний? Тому, кто все свое собрал в себе, что может понадобиться снаружи? Однако тому, кто еще только стремится к добродетели, даже если он уже далеко продвинулся на этом пути, еще

нужна некоторая милость фортуны, пока он ведет борьбу в человеческом мире, пока он не выбрался из узла сковывающих его смертных пут. Оковы эти бывают разные: одни люди связаны, стянуты, даже целиком обмотаны тугой, короткой цепью; другие, уже поднявшись в горние области и воспарив ввысь, тянут за собой свою длинную, свободно отпущенную цепь: они тоже еще не свободны; это нам кажется, что они на воле.

XVII. 1. Кто-нибудь из любителей облаять философию может задать мне обычные у них вопросы: "Отчего же ты сам на словах храбрее, чем в жизни? Зачем заискиваешь перед вышестоящим и не брезгуешь деньгами, полагая их необходимым для тебя средством к существованию? Зачем переживаешь по поводу неприятностей и проливаешь слезы при вести о смерти жены или друга? Зачем дорожишь доброй славой и не остаешься равнодушен к злословию? 2. Зачем твое имение ухожено более, чем требует природа? Почему твои обеды готовятся не по рецептам твоей философии? К чему столь пышное убранство в доме? И почему здесь пьют вино, которое старше тебя по возрасту? Зачем заводить вольеры для птиц? Зачем сажать деревья, не дающие ничего, кроме тени? Почему твоя жена носит в ушах целое состояние богатой семьи? Почему рабы, которых ты посылаешь в школу, одеты в драгоценные ткани? Для чего у тебя учреждено особое искусство прислуживать за столом, и серебро раскладывается не как попало, а строго по правилам, и заведена отдельная должность нарезателя закусок?" К этому можно добавить, если хочешь, и много других вопросов: "Зачем тебе заморские владения, и вообще столько, что ты не можешь счесть? Ты не знаешь всех твоих рабов: это либо постыдная небрежность, если их мало, либо преступная роскошь, если их число превышает возможности человеческой памяти!" 3. Когда-нибудь после я сам присоединюсь к твоей брани и поставлю себе в вину больше, чем ты думаешь; покамест же я отвечу тебе вот что: "Я не мудрец и – пусть утешатся мои недоброжелатели – никогда им не буду. Поэтому не требуй от меня, чтобы я сравнялся с лучшими, я могу стать лишь лучше дурных. С меня довольно, если я каждый день буду избавляться от одного из своих пороков и бичевать свои заблуждения. 4. Я не выздоровел и, вероятно, никогда не буду здоров; против моей подагры я применяю больше болеутоляющие средства, чем исцеляющие, и радуюсь, если приступы повторяются реже и зуд слабеет; впрочем, по сравнению с вашими ногами я, инвалид, выгляжу настоящим бегуном". – Разумеется, я говорю это не от своего лица – ибо сам я погряз на дне всевозможных пороков – но от лица человека, которому уже удалось кое-что сделать.

XVIII. 1. "Ты живешь не так, как рассуждаешь", – скажете вы. О злопыхатели, всегда набрасывающиеся на лучших из людей! В том же обвиняли и Платона, Эпикура, Зенона, ибо все они рассуждали не о том, как живут, а о том, как им следовало бы жить. Я веду речь о добродетели, а не о себе; и если ругаю пороки, то в первую очередь мои собственные: когда смогу, я стану жить, как надо. 2. Ваша ядо-

витая злоба не отпугнет меня от лучших образцов; яд, которым вы брызжете на других, которым медленно убиваете самих себя, не помешает мне упорно восхвалять ту жизнь, какую я не веду, но какую я знаю, вести следует; не помешает преклоняться перед добродетелью, пускай нас разделяет безмерное расстояние, и стараться приблизиться к ней, пусть даже ползком. 3. Стану ли я дожидаться, пока найдется человек, которого не посмеет оскорбить ваша злоба, не признающая священной неприкосновенности даже за Рутилием[7] и Катоном[8]? Стоит ли стараться не прослыть у вас чересчур богатым, если даже циник Деметрий[9] для вас недостаточно беден? А ведь сей муж – образчик суровости – боролся против всех, даже естественных желаний и был беднее всех циников: они запрещали себе иметь, он запрещал и просить. И он-то для вас недостаточно нищий! А ведь нетрудно заметить, что не наука добродетели, а наука нищеты была главным делом его жизни.

XIX. 1. Эпикурейский философ Диодор несколько дней назад собственной рукой положил конец своей жизни; но они не хотят признать, что он перерезал себе глотку по завету Эпикура. Одни предпочитают видеть в его поступке проявление безумия, другие необдуманность (и легкомыслие); в то время, как это был человек блаженный и вполне доброй совести; он сам перед собой засвидетельствовал, что настала пора уходить из жизни, воздал хвалу покою, который он вкушал, проведя весь свой век на якоре в тихой гавани, и произнес слова, которые вам так неприятно слышать, как будто вас заставляют сделать то же самое: "Прожил довольно и путь, судьбою мне данный, свершил я"[10].

2. Вы охотно рассуждаете о чужой жизни и чужой смерти; стоит упомянуть при вас имя какого-нибудь великого мужа, стяжавшего особую славу, как вы кидаетесь на него с лаем, словно деревенские дворняжки на незнакомого прохожего. Видно, вам выгодно, чтобы ни один человек не казался добрым, как будто чужая добродетель станет укором вашим недостаткам. Полные зависти, вы сравниваете свою грязь с чужим великолепием, не понимая, насколько этим вредите самим себе. В самом деле, если их, стремящихся только к добродетели, следует признать все же корыстными, распутными и тщеславными, то кем же окажетесь в сравнении с ними вы, для кого само имя добродетели ненавистно? 3. Вы утверждаете, что никто не соблюдает на деле того, что говорит, никто не живет согласно собственным поучениям. А что тут удивительного, когда говорится о вещах великих, требующих огромного напряжения сил, превышающего человеческие пределы? Пусть неудачны их попытки вырвать гвозди и освободиться от креста, на котором их распинают; но из вас-то каждый сам забивает себе гвозди. Когда их приводят на казнь, каждый из них повисает на одном-единственном столбе; а вы, сами себя ежедневно приговаривающие к казни, будете растянуты между столькими крестами, сколько у вас страстей. Просто вам приятно злословить и поносить других. Я бы, может, и поверил, что сами вы свободны от пороков, если бы мне

не случалось наблюдать, как иные, уже вися на кресте, плюются в зрителей.

XX.1. "Философы сами не соблюдают своих правил". – Они делают многое уже одним тем, что высказывают подобные правила, тем, что душа их занята достойными понятиями. Если бы дела их сравнялись со словами, они достигли бы уже высших степеней блаженства. Но и без того не стоит презирать добрые речи и сердца, исполненные добрых помышлений. Предаваться спасительным занятиям само по себе достойно похвалы, независимо от результата. 2. Нужно ли удивляться, что, пытаясь взобраться по отвесной стене, они не достигают вершины? Если ты мужчина, уважай в других великие дерзания, даже когда они кончаются крахом. Это благородное дело: предпринимать попытки, сообразуясь не с собственными силами, а с возможностями своей природы; устремляться ввысь и вынашивать в душе планы столь грандиозные, что их не под силу осуществить даже тем, кто украшен величайшими духовными дарованиями.

3. Дай себе такие обеты: "Я изменюсь в лице, увидав смерть, не больше, чем услыхав о ней. Я заставлю свое шаткое тело подчиняться духу, скольких бы трудов и страданий это ни стоило. Я стану презирать богатство, которое у меня есть, и не пожелаю того, которого у меня нет; не огорчусь, если оно будет лежать в другом доме, не обрадуюсь, если заблещет вокруг меня. Я не стану переживать из-за капризов фортуны, приходит ли она ко мне или уходит. Я стану смотреть на все земли как на мои собственные, и на мои как на принадлежащие всем. Я стану жить так, будто знаю, что рожден для других, и возблагодарю природу вещей за это: ибо каким способом она могла бы лучше позаботиться о моих интересах? Одного меня она даровала всем, а всех – мне одному. 4. Имение свое я не стану ни стеречь с чрезмерной скаредностью, ни мотать направо и налево. Я стану считать, что полнее всего обладаю тем, что с умом подарил другому. Я не стану отмеривать свои благодеяния ни поштучно, ни на вес, меряя их лишь степенью моего уважения к получателю; вспомоществование достойному я никогда не сочту чрезмерным. Я не стану делать ничего ради мнения окружающих, но лишь ради собственной совести; о чем знаю я один, я стану делать так, будто на меня смотрит толпа народа. 5. Есть и пить я буду для того, чтобы удовлетворить естественные желания, а не для того, чтобы то набивать, то освобождать брюхо. Приятный друзьям, кроткий и обходительный с врагами, я всегда буду идти навстречу людям, не заставляя себя упрашивать, и всегда исполню честную просьбу. Я буду знать, что моя отчизна – мир, мои покровители – боги, стоящие надо мной и вокруг меня, оценивающие дела мои и речи. В любой миг, когда природа потребует вернуть ей мое дыхание (spiritum) или мой собственный разум отпустит его к ней, я уйду, подтвердив под присягой, что всю жизнь любил чистую совесть и достойные занятия, что никогда ни в чем не ущемил ничьей свободы, и менее всего своей собственной". – Тот, кто пообещает себе сделать это, кто действительно пожелает и попытается так поступать – тот на

верном пути к богам; даже если ему не удастся пройти этот путь до конца то

все ж он погиб, на великий отважившись подвиг...[11]

6. А вы, ненавистники добродетели и ее почитателей, – вы не изобрели ничего нового. Больные глаза не выносят солнца, ночные животные бегут от сияния дня, первые лучи солнца повергают их в оцепенение и они спешат укрыться в свои норы, забиться в дыры и щели, лишь бы не видеть страшного для них света. Войте, скрежещите, упражняйте ваши несчастные языки в поношении добрых людей. Разевайте пасти, кусайте: вы скорее обломаете зубы, чем они заметят ваш укус.

XXI. 1. «Отчего этот приверженец философии так богато живет? Сам учит презирать богатство и сам же его имеет? Учит презирать жизнь, но живет? Учит презирать здоровье, но сам заботится о нем, как никто, и старается иметь возможно лучшее? Говорит, что изгнание – пустой звук: "Ибо что же дурного в перемене мест?" – но сам предпочитает состариться на родине? Он заявляет, что не видит разницы между долгим и кратким веком, но отчего же тогда сам он мечтает о долгой здоровой старости и все силы приложит к тому, чтобы прожить подольше?»

2. Да; он утверждает, что все эти вещи следует презирать, но не настолько, чтобы не иметь их, а лишь настолько, чтобы иметь, не тревожась; не так, чтобы самому гнать их прочь, но так, чтобы спокойно смотреть, как они уходят. Да и самой фортуне куда выгоднее помещать свои богатства? – Конечно же туда, откуда можно будет забрать их, не слушая жалобных воплей временного владельца. 3. Марк Катон всегда прославлял Курия[12] и Корункания[13], да и весь тот век, когда несколько пластинок серебра составляли преступление в глазах цензора[14]; однако сам он имел сорок миллионов сестерциев, поменьше, конечно, чем Красс[15], но поболее, чем Катон Цензор. От прадеда его в этом сопоставлении будет отделять значительно большее расстояние, чем от Красса, однако если бы ему вдруг достались еще богатства, он бы он них не отказался. 4. Дело в том, что мудрец вовсе не считает, себя недостойным даров случая: он не любит богатство, однако предпочитает его бедности. Он принимает его, только не в сердце свое, а в дом. Он не отвергает с презрением того, что имеет, а оставляет у себя, полагая, что имущество составит вещественное подкрепление для питания его добродетели.

XXII. 1. Можно ли сомневаться, что богатство дает мудрецу гораздо более обильную материю для приложения способностей его духа, нежели бедность? Ведь бедность помогает упражняться лишь в одном роде добродетели: не согнуться и не дать себе прийти в отчаяние; богатство же предоставляет обширнейшее поле деятельности и для умеренности, и для щедрости, для аккуратности, распорядительности и великодушия. 2. Мудрец не станет стесняться своего маленького роста, но все же и он предпочел бы быть высоким и стройным. Конечно,

мудрец может чувствовать себя прекрасно, имея хилое телое или лишившись глаза, однако он все же предпочел бы телесное здоровье и силу, хоть и знает, что у него есть сила значительно бóльшая. 3. Он будет терпеливо сносить дурное здоровье, но желать себе будет доброго. Есть вещи с высшей точки зрения ничтожные; если отнять их, главное благо нисколько не пострадает; однако они добавляют кое-что к той беспрерывной радости, что рождается из добродетели: богатство веселит мудреца и действует на него примерно так же, как на моряка – хороший попутный ветер, как погожий день, как солнце, вдруг пригревшее среди темной, морозной зимы.

4. Далее, все мудрецы – я имею в виду наших мудрецов, для которых единственное благо – добродетель – признают, что и среди тех вещей, что зовутся безразличными, одни все же предпочтительнее других и даже имеют известную ценность. Некоторые из них довольно почтенны, другие почтенны весьма. И дабы ты не сомневался, уточню: богатство – вещь безусловно предпочтительная. 5. Тут ты, конечно, можешь воскликнуть: "Так что же ты надо мной издеваешься, если богатство означает для нас с тобой одно и то же?" – Нет, далеко не одно и то же; желаешь знать, почему? Если мое уплывет от меня, то кроме себя самого ничего от меня не унесет. Тебя же это поразит; тебе будет казаться, что, потеряв состояние, ты потерял самого себя. В моей жизни богатство играет кое-какую роль; в твоей – главную. Одним словом, моим богатством владею я, твое богатство владеет тобой.

XXIII. 1. Итак, перестань корить философов богатством: никто не приговаривал мудрость к бедности. Ничто не помешает философу владеть солидным состоянием, если оно ни у кого не отнято, не обагрено кровью, не осквернено несправедливостью, не накоплено грязными процентами[16]; если доходы и расходы будут одинаково честными, не причиняя горя никому, кроме злодеев. Увеличивай свое состояние, насколько пожелаешь, что в том постыдного? Богатство, которое всякий желал бы назвать своим, но в котором никто не может назвать своей ни крупицы, не постыдно, а почетно. 2. Такое честным путем нажитое состояние не отвратит от философа благосклонность фортуны, не заставит его ни превозноситься, ни краснеть. Впрочем, у него будет чем гордиться, если он сможет распахнуть настежь двери своего дома и заявить, представив согражданам осмотреть все, чем владеет: "Пусть каждый унесет то, что признает своим". Воистину велик тот муж и благодатно его богатство, если после подобного призыва он сохранит все, что имел! Я так скажу: кто может спокойно и не смущаясь выставить свое имущество для всенародного обозрения, уверенный, что никто не найдет там, на что наложить руку, тот будет открыто и смело богат. 3. Мудрец не впустит в свой дом ни денария, пришедшего дурным путем; но он не отвергнет даров фортуны и плодов своей добродетели, сколь бы велики они ни были. В самом деле, с какой стати отказывать им в добром приеме? Пусть приходят, их приветят, как дорогих гостей. Он не станет ни хвастаться деньгами, ни прятать их (первое – свойство духа суетного, второе – трусливого и

мелочного, который хотел бы, если можно, засунуть все свое добро за пазуху), не станет, как я уже говорил, и выкидывать их из дома. 4. Ведь не скажет же он: "От вас нет проку", или: "Я не умею вами распорядиться". В дальнюю дорогу он может отправиться и пешком, однако предпочтет, если можно, воспользоваться экипажем. Так же и будучи бедным он, если можно, предпочтет стать богатым. Итак, настоящий философ будет богат, но относиться к своему богатству будет легко, как к веществу летучему и непостоянному, и не потерпит, чтобы оно причиняло какие либо тяготы ему или другим.

5. Он станет одаривать... – но что это вы навострили уши? что подставляете карманы? – ...он станет одаривать людей добрых, либо же тех, кого в состоянии сделать добрыми. Он станет раздавать подарки не прежде, чем отберет, по тщательнейшем размышлении, самых достойных, как человек, помнящий, что ему придется давать отчет не только о доходах, но и о расходах. Он станет делать подарки, исходя из требований должного и справедливого, ибо бессмысленные дары – один из видов позорного мотовства. Карман у него будет открытый, но не дырявый: из него много будет вываться, но ничего не будет высыпаться.

XXIV. 1. Ошибается, кто думает, будто нет ничего легче, чем дарить: это дело чрезвычайно трудное, если распределять со смыслом, а не разбрасывать как придется, повинуясь первому побуждению. Вот человек, которому я обязан, а этому возвращаю долг; этому я приду на помощь, а того пожалею; вот достойный человек, которого надо поддержать, чтобы бедность не сбила его с пути или не задавила совсем; этим я не дам, несмотря на их нужду, потому что если и дам, нужда их не уменьшится; кому-то я сам предложу, кому-то даже буду всовывать насильно. В таком деле нельзя допускать небрежности: подарки – лучшее помещение денег.

2. "Как? Неужто ты, философ, даришь для того, чтобы получить доход?" Во всяком случае, для того, чтобы не понести убытки. Подарки следует вкладывать туда, откуда можно ждать возмещения, но не нужно его требовать. Мы помещаем наши благодеяния, как глубоко зарытый клад: без нужды ты не станешь его выкапывать. 3. Сам дом богатого человека – обширное поле для благотворительной деятельности. Щедрость называется у нас "свободностью" – "liberalitas" – не потому, что должна быть обращена только на свободных, а потому, что ее источник – свободный дух. Кто скажет, что щедрость следует проявлять лишь к одетым в тогу? Природа велит мне приносить пользу людям, независимо от того, рабы они или свободные, свободнорожденные или вольноотпущенники, отпущенные по закону или по дружбе, – какая разница? Где есть человек, там есть место благодеянию. Так что можно упражняться в щедрости и раздавать деньги, не переступая собственного порога. Щедрость мудреца никогда не обращается на недостойных и подлых, но зато и не иссякает и, встретив достойного, изливается всякий раз, как из рога изобилия.

4. Честные, смелые, мужественные речи тех, кто стремится к

мудрости, не дадут вам повода для превратного толкования. Только запомните: стремящийся к мудрости – это еще не мудрец, достигший цели. Вот что скажет вам первый: "Речи мои превосходны, но сам я до сих пор вращаюсь среди бесчисленных зол. Не требуй, чтобы я сейчас соответствовал своим правилам: ведь я как раз занят тем, что делаю себя, формирую, и пытаюсь поднять до недосягаемого образца. Если я дойду до намеченной мною цели, тогда требуй, чтобы дела мои отвечали словам" Второй же, достигший вершины человеческого блага, обратится к тебе иначе и скажет так: "Прежде всего, с какой стати ты позволяешь себе судить о людях, которые лучше тебя? Само я уже, по счастью, внушаю неприязнь всем дурным людям, а это доказывает мою правоту. 5. Но чтобы ты понял, отчего я не завидую никому из смертных, выслушай, что я думаю по поводу разных вещей в жизни. Богатство – не благо; если бы оно им было, оно делало бы людей хорошими; но это не так; а поскольку то, что мы находим у дурных людей, не может называться хорошим, постольку я не соглашаюсь называть его этим именем. В остальном же я признаю, что оно полезно, доставляет много жизненных удобств и потому его следует иметь.

XXV. 1. Что ж, выходит, что и вы и я одинаково полагаем, что богатство следует иметь; послушайте же, почему я не считаю его одним из благ и в чем я отношусь к нему иначе, чем вы. Пусть меня поселят в самом богатом доме, где даже самые обыденные предметы будут только из золота – и серебра, – я не возгоржусь, ибо все это хоть и окружает меня, но лишь снаружи. Перенесите меня на Сублицийский мост[17] и бросьте среди нищих: я не почувствую себя униженным, сидя с протянутой рукой среди попрошаек. Разве тому, у кого есть возможность умереть, так уж важно, что у него нет корки хлеба? Какой же из этого вывод? Я предпочту блистательный дворец грязному мосту.

2. Поместите меня среди ослепительной роскоши и изысканного убранства: я не сочту себя счастливее оттого, что сижу на мягком и сотрапезники мои возлежат на пурпуре. Дайте мне иное ложе: я не почувствую себя несчастнее, опуская усталую голову на охапку сена, или ложась отдохнуть на резаную солому, вылезающую сквозь дыры в ветхой парусине. Какой из этого вывод? Я предпочту гулять в претексте, чем сверкать голыми лопатками через прорехи в лохмотьях. 3. Пусть все дни мои будут один удачнее другого, пусть несутся ко мне поздравления с новыми успехами, когда еще не отзвучали прежние: я не стану любоваться сам собой. Отберите у меня эту временную милость: пусть потери, убытки, горе обрушивают на мой дух удар за ударом; пусть каждый час приносит новую беду; среди моря несчастий я не назову себя несчастным, ни одного дня я не прокляну; ибо я все предусмотрел так, что ни один день не может стать для меня черным. Какой отсюда вывод? Я предпочту воздерживаться от излишней веселости, нежели подавлять чрезмерную скорбь"

4. И вот что скажет тебе еще этот Сократ: "Хочешь, сделай меня победителем всех народов мира, пусть пышно украшенная колесница

Вакха везет меня во главе триумфа от самого солнечного восхода до Фив, пусть все цари приходят просить меня утвердить их на царстве, – в тот самый момент, когда со всех сторон меня будут величать богом, я яснее всего пойму, что я человек. Хочешь, – внезапно, без предупреждения, сбрось меня с этой ослепительной вершины; пусть головокружительная перемена судьбы взгромоздит меня на чужеземные носилки и я украшу собой торжественную процессию надменного и дикого завоевателя: волочась за чужой колесницей я почувствую себя не более униженным, чем тогда, когда стоял на собственной. Какой же из этого вывод? А такой, что я все-таки предпочту победить, а не попасть в плен. Да, все царство фортуны не удостоится от меня ничего, кроме презрения; но если мне предоставят выбор, я возьму лучшее. Все, что выпадет мне на долю, обратится во благо, но я предпочитаю, чтобы выпадало более удобное, приятное и менее мучительное для того, кому придется это обращать во благо. Не подумай, конечно, будто какую-нибудь добродетель можно стяжать без труда; но дело в том, что одним добродетелям нужны шпоры, а другим – узда. 6. Это как с телом: спускаясь под гору, нужно его удерживать, поднимаясь в гору – толкать вперед; так вот, и добродетели бывают направлены либо под гору, либо в гору. Всякий согласится, что терпение, мужество, стойкость и все прочие добродетели, противопоставляемые жестоким обстоятельствам и подчиняющие себе фортуну, карабкаются в гору, упираются, борются. И столь же очевидно, что щедрость, умеренность, кротость идут под гору. Здесь мы удерживаем свой дух, чтобы он не сорвался вперед, там – гоним его, понукаем, толкаем самым жестоким образом. Так вот, в бедности нам понадобятся более мужественные, воинственные добродетели; в богатстве – более утонченные, стремящиеся сдерживать шаг и удержать себя в равновесии. 8. Перед лицом такого разделения, я всегда предпочту те, в которых можно упражняться спокойно, тем, которые требуют крови и пота. Таким образом, – заключит свою речь мудрец, – и жизнь моя не расходится с моими словами; это вы плохо их слышите: ваши уши улавливают только звучание слов, а что они означают, вы даже не интересуетесь спросить".

XXVI. 1. "Но какая же разница между мной, дураком, и тобой, мудрецом, если мы обы хотим иметь?" – Очень большая: у мудрого мужа богатство – раб, у глупого – властелин; мудрый не позволяет своему богатству ничего, вам оно позволяет все; вы привыкаете и привязываетесь к своему богатству так, будто кто-то обещал вам вечное им обладание, а мудрец, утопая в богатстве, тут-то и размышляет более всего о бедности. 2. Ни один полководец не понадеется на перемирие до такой степени, чтобы оставить приготовления к уже объявленной войне, даже если она до времени не ведется; а вас один красивый дом заставляет возомнить о себе и утратить представление о действительности, как будто он не может ни сгореть, ни обрушиться; куча денег делает вас глухими и слепыми, как будто они отведут от вас все опасности, как будто у фортуны не хватит сил мгновенно унич-

тожить их. 3. Богатство – игрушка вашей праздности. Вы не видите заключенных в нем опасностей, как варвары в осажденном городе не подозревают о назначении осадных орудий и лениво наблюдают за работой неприятеля, не в силах уразуметь, для чего возводятся в таком отдалении все эти сооружения. Так и вы: когда все благополучно, вы расслабляетесь, вместо того чтобы задуматься, сколько несчастных случайностей подстерегает вас со всех сторон, вот-вот уже готовых пойти на приступ и захватить драгоценную добычу. 4. Мудрец же, если у него вдруг отнимут богатство, ничего не потеряет из своего достояния; он будет жить, как жил, довольный настоящим, уверенный в будущем. "Самое твердое среди моих убеждений, – скажет вам Сократ или кто-нибудь другой, наделенный таким же правом и властью судить о делах человеческих, – это не изменять строя моей жизни в угоду вашим мнениям. Со всех сторон я слышу обычные ваши речи, но по мне это не брань, а писк несчастных новорожденных младенцев".

5. Так скажет вам тот, кому посчастливилось достичь мудрости и чей свободный от пороков дух велит ему порицать других – не из ненависти, но во имя исцеления. И вот что он еще прибавит: «Ваше мнение волнует меня не из-за меня, а из-за вас, ибо ненавидящие добродетель и гонящие ее с улюлюканием навсегда отрекаются от надежды на исправление. Меня вы не обижаете, но и богов не обижают те, кто опрокидывает алтари. Однако дурные намерения и злые замыслы не становятся лучше оттого, что не могут причинить вреда. 6. Я воспринимаю ваши бредни так же, как, вероятно, Юпитер всеблагой и величайший – непристойные выдумки поэтов, которые представляют его то крылатым, то рогатым, то не ночующим дома блудодеем; жестоким к богам и несправедливым к людям; похитителем свободных людей и даже родственников; отцеубийцей, беззаконно захватившим отчий престол и еще чужой в придачу. Единственное, чего достигают подобные сочинения – освобождают людей от всякого стыда за свои прегрешения: мол, чего стесняться, если сами боги такие. 7. Меня ваши оскорбления нисколько не задевают, но ради вас самих я предупреждаю вас: уважайте добродетель, верьте тем, кто сам неуклонно ей следовал и теперь возвеличивает ее перед вами: пройдет время, и она предстанет в еще большем величии. Почитайте добродетель как богов, а исповедующих ее – как жрецов, и да благоговеют языки ваши[18] при всяком упоминании священных письмен. Это слово: "favete" – "благоговейте" происходит вовсе не от благожелательного одобрения – "favor", оно не призывает вас к крикам и рукоплесканию, как в цирке, а повелевает молчать, дабы священнодействие могло свершиться как положено, не прерываемое неуместным шумом и болтовней. Вам вдвойне необходимо исполнять это повеление и всякий раз, как раздадутся речи этого оракула, закрывать рот, чтобы слушать внимательно. 8. Ведь вы все сбегаетесь послушать, когда какой-нибудь наемный лжец забренчит на улице систром[19], когда какой-нибудь умелый самоистязатель начнет резать, не слишком, впрочем, твердой рукой, свои предплечья и плечи, заливая их кровью; когда какая-нибудь

женщина с завыванием поползет по дороге на коленях; когда старик в льняных одеждах, держа перед собой лавровую ветку и зажженный среди бела дня фонарь, пойдет кричать о том, что разгневали кого-то из богов, – вы все застываете, пораженные, и заражая друг друга страхом, верите, что это – глашатаи божества».

XXVII. 1. Вот о чем взывает Сократ из темницы, которая очистилась, едва он вошел в нее, и сделалась почетнее всякой курии[20]: «Что за безумие, что за природа, враждебная богам и людям, заставляет вас поносить добродетель и оскорблять святыню злобными речами? Если можете, хвалите добрых людей, не можете – пройдите мимо; а если уж вы не в силах сдержать своей мерзкой распущенности, нападайте друг на друга: ибо обращать вашу безумную брань к небу, я не скажу что кощунство, но напрасный труд. 2. В свое время я сам сделался мишенью для шуток Аристофана[21], а вслед за ним двинулся и прочий отряд комических поэтов, излив на меня весь запас своих ядовитых острот, и что же? Эти нападки лишь укрепили славу моей добродетели. Ей полезно, когда ее выставляют, словно раба на продажу, и тычут в нее пальцами, пробуя на крепость; к тому же нет лучше способа узнать, чего она стоит и какова ее сила, чем полезть на нее в драку и попытаться побить: твердость гранита лучше всего известна камнерезам. 4. Вот я – стою подобно скале на морской отмели, и волны беспрестанно обрушивают на меня свои удары, но ни сдвинуть меня с места, ни разбить им не под силу, хотя нападки их не прекращаются вот уже сколько столетий. Нападайте же, бейте: я вынесу все, и в этом – моя победа над вами. Нападающие на неодолимую твердыню употребят свою силу себе же во зло; а потому ищите мягкую и уступчивую мишень, чтобы вонзать ваши стрелы. Вам нечем занять себя, и вы пускаетесь в исследование чужих недостатков, изрекая свои приговоры: "Не слишком ли просторно живет этот философ и не слишком ли роскошно обедает?" Вы замечаете чужие прыщи, а сами покрыты гнойными язвами. Так урод, покрытый с ног до головы зловонными струпьями, стал бы высмеивать родинки или бородавки на прекраснейших телах. 5. Поставьте в вину Платону то, что он искал денег, Аристотелю – что брал, Демокриту – что презирал, Эпикуру – что тратил; мне самому поставьте в вину Алкивиада и Федра – вы, которые при первой возможности кинетесь подражать всем нашим порокам, не помня себя от счастья! 6. Оглянитесь лучше на собственные пороки, на зло, осадившее вас со всех сторон, вгрызающееся в вас снаружи, палящее огнем самые ваши внутренности! Если вы не желаете знать вашего собственного положения, то поймите хотя бы, что дела человеческие вообще сейчас не в том состоянии, чтобы вам оставалось много досуга чесать языки, порицая лучших, чем вы, людей.

XXVIII. 1. Но вы этого не понимаете и строите хорошую мину при плохой игре, словно люди, сидящие в цирке или в театре и еще не успевшие получить горестных вестей из дома, уже погруженного в траур. Но я-то гляжу сверху и вижу, какие тучи собираются над вашими головами, угрожая взорваться бурей в недалеком будущем, а

некоторые так уже и вплотную нависли над вами и вашим добром. И даже более того: разве ужасный шквал не захватил уже ваши души, хоть вы того и не чувствуете, не завертел их в вихре, заставляя от одного убегать, к другому слепо устремляться, то вознося под облака, то швыряя в пропасть?...

[На этом текст обрывается.]

Примечания

[1] Луций Анней Новат, впоследствии называвшийся Луций Юний Галлион Аннеан (родился до 4 г. до н.э. – покончил с собой после 65 г.н.э.) – старший брат Сенеки. Их отец, Луций Анней Сенека Старший (род. ок. 55 г. до н.э.) был известным оратором, происходил из богатой всаднической семьи в Кордубе в Испании и произвел на свет трех сыновей, из которых первый, Новат (Галлион), также прославился как оратор и был усыновлен другом отца, знаменитым декламатором Юнием Галлионом. Второй, самый известный, был наш автор, Сенека, а третий, Анней Мела, "движимый нелепым тщеславием, воздержался от соискания высших государственных должностей... и обрел известность" лишь как отец поэта Аннея Лукана (*Тацит*. Анналы 16, 17).

Старший брат, Галлион, высших должностей добился: был консулом-суффектом, а затем проконсулом в Ахайе, где прославился уже не как оратор, а как судья апостола Павла: "Во время проконсульства Галлиона в Ахайи напали иудеи единодушно на Павла и привели его пред судилище, говоря, что он учит людей чтить бога не по закону. Когда же Павел хотел открыть уста, Галлион сказал иудеям: "Иудеи! Если бы какая-нибудь была обида, или злой умысел, то я имел бы причину выслушать вас; но когда идет спор об именах и о законе вашем, то разбирайте сами: я не хочу быть судьею в этом. И прогнал их от судилища. А все эллины, схвативши Сосфена, начальника синагоги, били его пред судилищем, и Галлион нимало не заботился об этом" (Деяния святых апостолов, 18, 12–17). По возвращении в Рим "... на Юния Галлиона, устрашенного умерщвлением его брата Сенеки и смиренно молившего о пощаде, обрушился с обвинениями Салиен Клемент, называя его врагом и убийцею..." (*Тацит*. Анналы, 15, 73). Неизвестно, покончил ли он с собой тогда же, в 65 г., или несколько позднее.

В философии Галлион, как видно из обращенного к нему диалога Сенеки, придерживался эпикурейских взглядов, однако при этом и богатством, и любовью к роскоши и изяществу, видимо, намного уступал своему брату-стоику, проповедовавшему аскетическое самоограничение, но жившему вполне по-эпикурейски.

[2] Претор – вторая по значению и достоинству (honor) государственная должность (magistratus) в Риме. Преторы избирались народным собранием на год и формально обладали такой же властью (imperium), как и консулы: ius agendi cum patribus et populo, при нужде – военное командование и, главным образом, высшая судебная власть. Как и консулы, преторы носили тогу-претексту, сидели на курульных креслах и сопровождались ликторами с фасками (в Риме претору полагалось 2 ликтора, в провинции – 6).

[3] Свободные римские граждане носили поверх рубахи (туники) тогу. Хламиду – греческое мягкое верхнее платье – носили неграждане или несвободные люди.

[4] Знаменитые чревоугодники и жуиры эпохи Августа и Тиберия. Имя Апиция было в Риме нарицательным. Обжору времен Августа звали, собственно, Марком Гавием, а Апицием его прозвали из-за легендарного обжоры и богача времен кимврских войн. В эпоху Возрождения гуманисты приписали упоминаемому Сенекой Апицию древнюю поваренную книгу ("De re coquinaria libri tres"), содержащую самые экзотические рецепты (составленную, по новейшим данным, в V в.).

[5] Малый и Большой Сирт – два мелких залива у побережья Северной Африки, известные сильными течениями и блуждающими песчаными банками. В древности – нарицательное имя всякого опасного для плавания места.

[6] *Вергилий*. Георгики, I, 139–140.

[7] Публий Рутилий Руф – консул 105 г. до н.э., прославленный военачальник, оратор, юрист, историк и философ; друг Сципиона Эмилиана и Лелия, член сципионовского кружка, ученик стоика Панэция. Знаменит помимо прочего тем, что воплощал стоическую этику в собственной жизни; в частности, будучи заведомо несправедливо обвинен, не пожелал защищаться в суде общепринятыми методами, почитая их ниже своего достоинства, и гордо удалился в изгнание.

[8] Марк Порций Катон по прозвищу "Утический" или "Младший" – правнук знаменитого деятеля республиканских времен Марка Порция Катона "Цензора" – убежденный республиканец, представитель сенатской аристократии, противник Юлия Цезаря, стоик. Для современников и для потомков – образчик подлинно римской твердости характера и строгости нравов. В 49–48 гг. сражался против Цезаря на стороне Помпея; в 47–46 гг. – пропретор города Утики (откуда прозвище), тогдашней столицы провинции Африка, где и погиб от собственной руки после побед Цезаря в Северной Африке.

Безупречность жизни и обстоятельства смерти, незаурядные способности в соединении с мужеством и скромностью, подчеркнутая верность древнеримским традициям ("обычаям предков"), обоснованная аргументами стоической философии, – все это сделало его идеальным героем, exemplum – воплощением римской и стоической добродетели. Уже через год после смерти Катона Цицерон пишет о нем похвальное слово как о последнем и величайшем защитнике свободы. Для Сенеки Катон Младший и Сократ – два образчика подлинной мудрости, два совершенных "мудреца". Поступки и слова Катона иллюстрируют рассуждения о добродетели во всех без исключения трактатах Сенеки.

[9] Киник Деметрий, современник Сенеки, учивший большей частью в Риме, отличался прямотой речи и крайней малостью житейских потребностей. За дерзкий язык Нерон изгнал его из Рима, куда он вернулся при Веспасиане (ср. у Светония: Веспасиана "нимало не беспокоили вольности друзей... строптивость философов... Ссыльный киник Деметрий, повстречав его в дороге, не пожелал ни встать перед ним, ни поздороваться, и даже стал на него лаять, но император только обозвал его псом" – *Веспасиан,* 13).

[10] *Вергилий.* Энеида, IV, 653.

[11] *Овидий.* Метаморфозы 327–328 (о Фаэтоне, дерзнувшем подняться к солнцу и сожженном).

[12] Маний Курий Дентат – консул 290 г. до н.э., крупный государственный деятель ранней республики, прославленный военными победами, остроумными изречениями, а более всего – простотой, бедностью и скромностью. Для всех последующих поколений римских консерваторов – образчик древних "mores maiorum", отеческих нравов, обеспечивших величие Римского государства. Знаменит тем, что в походах не потерпел ни одного поражения и ни разу не взял ни взятки, ни подарка: "Quem nemo ferro potuit superare nec auro" (*Энний.* Анналы, 20 v). Когда самниты, против которых Рим вел тогда войну, хотели подкупить его совсем уж неслыханной суммой, он отвечал, что деньги ему не нужны, так как ест он на глиняной посуде, а владеть предпочитает не золотом, а людьми, обладающими золотом.

[13] Тиберий Корунканий, консул 280 г. до н.э., известный лаконичным красноречием и остроумием оратор, воин и бессребреник – тоже образец mores maiorum.

[14] Цензор – высшая магистратура в древнем Риме. Цензоры должны были каждые 5 лет оценивать имущество граждан, удостоверять их права на римское гражданство, давать нравственную оценку их жизни. Цензоры составляли списки всех граждан по трибам и распределяли их по центуриям; они же составляли списки сенаторов (сенаторы так и назывались – patres conscripti, т.е. патриции, внесенные в списки), вычеркивая оттуда недостойных по имущественным и моральным соображениям. Кроме того, цензоры продавали на откуп частным лицам государственные налоги, таможенные сборы, рудники и земли. В отличие от прочих магистратов, цензорам предоставлялось право и даже вменялось в обязанность судить граждан не по закону и праву, а по нравственным нормам, что называлось regimen morum, или cura morum. Соответственно и избирались в цензоры люди с общепризнанным нравственным авторитетом (по закону цензором мог быть только vir consularis – бывший консул). Самый известный римский

цензор – ревнитель mores maiorum Марк Порций Катон Старший, или просто Цензор, борец против роскоши и за римскую бедность, один из любимых героев Сенеки.

[15] Марк Корнелий Красс Дивес, т.е. "Богач", триумвир, самый богатый человек в Риме I. в. до н.э., обладавший состоянием свыше 200 миллионов сестерциев.

[16] В Риме ростовщичество запрещалось законом, по крайней мере, с 342 г. до н.э. Законы против взимания процентов постоянно переиздавались (видимо, с тем же постоянством они обходились и нарушались). Еще суровее, чем уголовное право, осуждал ростовщичество обычай; с нравственной точки зрения ростовщик был для римлянина хуже вора и убийцы.

[17] Sublicius pons – древнейший мост в Риме. По преданию, он был построен при царе Анке Марции без единого гвоздя и вообще без применения металла. Подновление моста и восстановление, когда его сносил разлив Тибра, римляне считали религиозной обязанностью и исполняли как обряд под руководством понтификов. Как и на прочих римских мостах, здесь обреталось множество нищих.

[18] Favete linguis – "храните благоговейное молчание": цитата из Горация (Оды 3, 1,2).

[19] Систр – металлическая трещотка, ритуальный инструмент жрецов египетской богини Исиды, чей культ был в моде в Риме начала новой эры.

[20] Здание сената в Риме.

[21] Аристофан высмеял Сократа в комедии "Облака".